

В то время я ещё не до конца понимала истинный смысл слов «государь и подданный». Мои мысли всё ещё несли отпечаток прошлой жизни, да и родители меня избаловали. Не сумев разобраться в ситуации, я тут же захотела заступиться. Однако матушка уже прочла мои мысли, и, едва я открыла рот, она строго посмотрела на меня и позвала: «Тайпин!»

Она всегда звала меня «Сыцзы», и только в самых торжественных случаях или когда была сильно недовольна, обращалась «Тайпин». Я замерла, глядя на её подбородок, и, не найдя в себе решимости, отступила.

Лекари, услышав распоряжение матушки, прекратили осмотр и позволили нескольким сильным служанкам постарше унести Вэй Синь. Вэй Хуань последовала за ними. Я заметила, что она совсем не выглядела подавленной, а, напротив, казалась даже радостной. Это вызвало у меня недоумение, а также беспокойство за состояние Вэй Синь. Я потянула за рукав матушки и тихо позвала: «Матушка».

Матушка, видя, что я послушалась, смягчила выражение лица, а когда я потянула её за рукав, наклонилась, как обычно, выслушивая мои шёпотные просьбы: «Матушка, нельзя ли отправить лекаря с Вэй Синь домой?»

Матушка задумалась на мгновение, затем кивнула и приказала одному из лекарей сопровождать их. После этого она повела меня в помещение для переодевания и отдыха.

Пока я переодевалась, отец, Ли Жуй и несколько лекарей также вошли внутрь. Едва я вышла из-за ширмы, отец обнял меня, погладил по лицу, пожал руку и велел лекарям меня осмотреть.

Те, кто осматривал Вэй Синь, были всего лишь младшими врачами, но на этот раз меня обследовал старший придворный лекарь. Отец усадил меня к себе на колени, а лекарь, преклонив колени перед ним, взял меня за запястье, чтобы измерить пульс. Два его помощника держали ларец с снадобьями и записывали всё в свиток.

Мне это казалось бессмысленным — ведь пострадала не я, зачем же все осматривают меня?

Однако я не могла возразить Их Величествам и позволила себя обследовать. Затем меня окружили слуги, усадили на паланкин и отнесли в покои, где уложили в постель, словно драгоценную реликвию.

К тому моменту я уже была совсем без сил, глаза слипались, но мысли всё ещё крутились вокруг Вэй Синь и Вэй Хуань. Поэтому я изо всех сил старалась не заснуть и, как только слуги, присланные матушкой, ушли, вскочила с кровати, подбежала к двери и позвала Сяолан — мою самую доверенную служанку. Ей было всего пятнадцать-шестнадцать лет, но она держалась степенно, будто тридцатилетняя. Многие дела, о которых я не желала, чтобы знала госпожа Ян, я поручала именно ей.

Сяолан, как всегда, поняла мои намерения с полуслова. Оглянувшись, она осторожно приблизилась. Я прошептала: «Пошли кого-нибудь из надёжных в дом Вэй, узнай, как там Вэй Синь и Вэй Хуань».

Сяолан взглянула на небо и нерешительно сказала: «Сейчас уже поздно, вряд ли удастся выйти. Придётся подождать до завтра». Видя моё беспокойство, она сообразила: «Может, стоит спросить в чертоге Цзычэнь, возможно, там есть новости».

Я обрадовалась и принялась её торопить. Сяолан выскользнула за дверь, и тут же появилась госпожа Ян, сказав: «Вторая сестра, тебе пора отдыхать».

Не знаю почему, но один её вид вызвал у меня раздражение, и я резко ответила: «Не могу спать».

Госпожа Ян принялась уговаривать меня своим обычным настойчивым тоном. Меня это вывело из себя, и я крикнула на неё: «Заткнись!»

Она, видимо, не ожидала такого, и я, почувствовав своё превосходство, продолжала: «Ты всё время мешаешь! Если бы не ты, я бы раньше всё узнала!»

Госпожа Ян несколько раз открыла рот, но ничего не сказала. В руках она держала платок, который передала другой кормилице, посмотрела на меня и произнесла: «Ван Сюй уже справлялся. Маленькая третья сестра Вэй очнулась, когда покидала дворец, с ней всё в порядке».

С этими словами она удалилась, оставив меня в замешательстве, а затем я почувствовала жгучий стыд.

Кормилица посмотрела на её удаляющуюся фигуру, затем на меня и подала мне платок. Я поняла, что это тот самый платок, который дала мне Вэй Хуань.

Платок был вымыт, высушен, выглажен и аккуратно сложен в ровный квадратик. Развернув его, я почувствовала более сильный аромат, на этот раз отчётливо лекарственный. Держа платок в руках, я почувствовала неловкость перед госпожой Ян, но не могла заставить себя извиниться. Более того, я злилась на саму себя и, раздражённая, вернулась в постель, прогнав всех слуг. Уткнувшись лицом в одеяло, я злилась, думала о Вэй Хуань и вдруг осознала, что что-то не так. Эти девицы, как бы они ни дерзили, никогда бы не посмели проявить ко мне неуважение прямо во дворце. Почему же Вэй Синь вдруг устроила такую сцену?

И даже если она устроила сцену, почему Вэй Хуань, всегда такая проницательная, вдруг предложила сыграть в конное поло, которое я так не люблю? А после того как отец и матушка пришли посмотреть игру, я почти забыла о Вэй Синь, но именно Вэй Хуань снова напомнила мне о её сестре, заставив меня вновь вознамериться проучить Вэй Синь.

Чем больше я думала, тем больше подозревала: в этом происшествии слишком много совпадений, чтобы не вызывать подозрений. Но мне не хотелось верить, что четырнадцатилетняя девочка использовала меня как оружие в своих руках.

С другой стороны, если Вэй Хуань была недостаточно умна, чтобы придумать такой план, то всё это было просто совпадением. А если она и вправду смогла всё так спланировать, то как она могла не учесть, что в этой затее слишком много переменных и осуществить её было невероятно сложно?

Я перебирала всё в уме, но не могла прийти ни к какому выводу, чувствуя лишь тяжёлую тоску в груди. В конце концов я с досадой сбросила одеяло и, подняв голову, увидела матушку, сидящую у моей кровати и смотрящую на меня. Я вздрогнула, дёрнулась и резко села.

Матушка засмеялась: «Не спится?»

Я кивнула. Матушка, заметив, что я что-то сжимаю в руках, взяла это, бегло взглянула и спросила: «Всё ещё думаешь о том, что произошло днём?»

Я кивнула, затем покачала головой и неуверенно пробормотала: «Не совсем о том, что на поле».

Матушка приподняла бровь, глядя на меня.

Я поколебалась, не желая говорить об этом с матушкой, но её взгляд был таким пронзительным, что я почувствовала себя виноватой и невольно выложила самые сокровенные мысли: «Я... думаю, что Вэй Хуань обманывает меня. Она нарочно использовала меня, чтобы проучить Вэй Синь».

Матушка улыбнулась с одобрением и спросила: «Почему ты так решила?»

Я ответила: «Матушка, наверное, не знает, но перед игрой я... разозлилась на Вэй Синь, потому что она проявила ко мне неуважение. Я хотела проучить её, поэтому специально сблизилась с Вэй Хуань, а Вэй Синь отдалила. Потом Вэй Хуань предложила сыграть в поло, а когда пришли вы с отцом, я подумала, что мне, принцессе, не стоит опускаться до уровня дочери адъютанта. Но именно Вэй Хуань снова подтолкнула меня. Я... думаю, они, одна — законная дочь, другая — побочная, возможно, имеют какие-то разногласия. Конечно, это всего лишь мои догадки, я не знаю точно».

Матушка улыбнулась мне: «Сыцзы, ты права. Вэй Хуань действительно обманула тебя».

Хотя я сама уже догадывалась об этом, услышав подтверждение от матушки, мне стало горько, и я опустила голову.

Матушка, видя мою печаль, обняла меня и мягко утешила: «В императорской семье такие вещи неизбежны. Раньше мы с твоим отцом считали, что ты ещё мала, и не учили тебя этому, но теперь...»

Что именно «теперь», матушка не договорила. Я была слишком поглощена своими переживаниями и не стала спрашивать.

Матушка обняла меня, нежно похлопывала по спине, убаюкивая, пока мои веки не стали тяжелеть. Затем, словно невзначай, спросила: «Сыцзы, а твой второй брат в последнее время переписывался с тобой и шестым братом?»

Я, уже сонная, пробормотала: «Старший брат прислал мне и младшему брату несколько книг, велел хорошенько их изучить».

Матушка спросила: «Что за книги?»

Я ответила: «Голова болит, я ещё не смотрела». На самом деле наследный принц настоятельно просил меня прилежно учиться, обещая награды, но я, едва увидев иероглифы, тут же ленилась и до сих пор даже не раскрывала их.

Матушка, кажется, улыбнулась, уложила меня обратно в постель и спросила: «А могу я взглянуть на эти книги?»

Я сонно кивнула, услышав, как матушка встала, вышла и отдала какие-то распоряжения. Что именно она сказала, меня уже не интересовало.

Я просто хотела спокойно и тихо поспать, чтобы во сне все эти интриги императорской семьи остались где-то далеко и не имели ко мне никакого отношения.